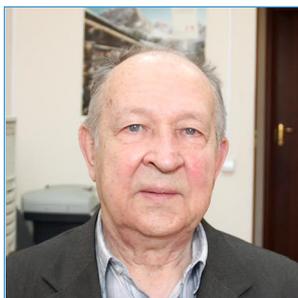

Д о м и н а н т ы общественного сознания в политической сфере

Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма

Красин Юрий Андреевич –
доктор философских наук, профессор,
руководитель отдела, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: krasinyua@mtu-net.ru

Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма

Аннотация

По всем признакам человеческая цивилизация вступает в эпоху глубочайшей трансформации, которую правомерно рассматривать как «большое переформатирование» социума. Человечество сталкивается с глобальными вызовами и рисками, требующими от него общности в постижении смысла начавшихся перемен, а главное – объединения усилий в решении глобальных проблем. Между тем, состояние общественного сознания, как на мировом уровне, так и в национальных масштабах, не соответствует императивному характеру этих требований. Современный социум многообразен и многолик, начиная с географических и национально-этнических особенностей, и кончая экономическими, социокультурными, политическими условиями. Глобализация мира, спрессовывая его во взаимосвязанную целостность, не уменьшает, а увеличивает многообразие. Особенности положения различных социальных групп, классов, наций, государств и сообществ в социуме определяют специфику восприятия ими действительности. Отсюда широкий диапазон идеологических различий, противоречащих консолидации. Особенно остро это противоречие проявляется в России, переживающей фундаментальную реформацию и испытывающей влияние традиций конфронтационной политической культуры. В статье предпринята попытка выяснить возможности и наметить контуры решения обозначенного противоречия. Как некогда становление индустриального общества создало потребность в свободном человеке и породило запрос на гуманизм, так и начавшийся переход к инновационному типу общественного развития порождает запрос на креативность и на метаидеологию нового гуманизма, способную стать идейно-нравственной основой национальной и вселенской политики «исторических компромиссов». Это позволит сохранить и оформить целостное единство глобального «мира миров». От того, как эти ресурсы будут задействованы, зависит социальная, международная и цивилизационная устойчивость человеческого общества.

Ключевые слова: общественное сознание, идеология, идеологический плюрализм, метаидеология, инновационный тип развития, новый гуманизм

Общественно-политическая мысль всё чаще обращается к тематике гуманизма. Возрастающий интерес к ней объясняется не только крупными достижениями в археологии, палеонтологии, генетике, астрономии, побуждающими переосмысливать казавшиеся незыблемыми представления о происхождении человека, его роли в мире, об эволюции и перспективах цивилизации [Марков 2012]. Не в меньшей степени интерес к ресурсам гуманизма вызван крутыми переменами

в жизнедеятельности социума, обусловленными глобализацией и наметившимся переходом человеческой цивилизации к инновационному типу развития (ИТР).

Этот переход предъявляет свои требования обществу и зависит от деятельной энергетики рода человеческого, от его способности воспринять дух времени и справиться с его вызовами. Необходимо идейное осмысление сути и последствий начавшейся трансформации, которая по праву может быть названа «большим переформатированием социума» и оказывает шоковое воздействие на стереотипы общественного сознания. Гегель определял философию как «эпоху, постигнутую в мышлении» [Гегель 1934: 16]. Эпоха «переформатирования» нуждается в философии, обобщающей её социальный опыт и выступающей идейной основой реализации открываемых ею возможностей модернизации социума.

Инновационный тип развития

Чтобы понять, почему гуманизм объективно востребован инновационным развитием, нужно разобраться в том, что представляет собой этот тип развития в сравнении с иными формами прогресса. ИТР означает качественный перелом в производительных силах общества. Их главным двигателем становится живое творчество разума, черпающее энергию в аккумуляированных наукой знаниях и волевых усилиях осмысленного целеполагания. Конечно, и в рамках инерционных типов развития именно разум одухотворял вещественные компоненты производительных сил, превращал их в средства воздействия на природную среду ради достижения своих целей. Но масштабы воздействия были ограничены из-за гигантского перевеса материальных факторов деятельности человека над духовными. Творчество разума и воли было сковано цепями жёсткой зависимости (вплоть до физического выживания) от природной среды, от материальных предметов и орудий труда. Можно сказать, предыстория человечества – время мучительного высвобождения homo sapiens из природного пленения, сдерживавшего раскрытие креативного потенциала человечества. Выдающиеся мыслители прошлого предвидели, что в будущем социуму предстоит перейти Рубикон, за которым возникнет иная ситуация.

В «Экономических рукописях» 1857–1859 гг. Карл Маркс писал, что с развитием крупной промышленности «*непосредственный труд* как таковой перестаёт быть базисом производства» и «превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию», а «в качестве производителя выступает, скорее, *комбинация* общественной деятельности» [Маркс, Энгельс 1969: 218]. В итоге произойдёт «подчинение сил

Эпоха «переформатирования» нуждается в философии, обобщающей её социальный опыт и выступающей идейной основой реализации открываемых ею возможностей модернизации социума.

природы общественному разуму», и мерой богатства будет отнюдь не рабочее, а свободное время, необходимое для «полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда» [Маркс, Энгельс 1969: 221]. К. Маркс усматривал в этом развитии показатель того, «до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта» [Маркс, Энгельс 1969: 215].

Не равнозначна ли эта перспектива с открывшейся ныне возможностью инновационного типа общественного развития? И не тот же ли самый смысл регулирующего воздействия человеческого разума на среду обитания лежит в основе провидческой идеи В. И. Вернадского о становлении ноосферы? Во всяком случае, очевидно, что социум выходит сегодня на продвинутой и ещё не вполне им осознанный рубеж креативности в сотворении и регулировании среды обитания. Сквозь туманящую дымку грядущего всё явственней проступают контуры гуманистической цивилизации более высокого порядка.

Поворота такого масштаба, какой наметился в наше время, не было в истории человечества. Разве что появление на земле *homo sapiens*, для чего потребовались сотни тысяч лет. Сейчас же историческое время сжато, спрессовано. Никто не ведаёт, преодолит ли человечество этап «большого переформатирования» или будет отброшено назад. Выбор не предопределён.

Как предостерегал известный общественно-политический деятель и мыслитель Г. Х. Шахназаров, перспективе рождения ноосферы угрожает альтернатива одичавшей «зоосферы». На это указывают тревожные тенденции дегуманизации общества: неспособность отказаться от национально-государственного эгоизма, экспансия «второсортной культуры», коммерциализация «производства и распространения духовных ценностей», чреватая необратимым снижением уровня интеллекта. «И в этом отношении – отмечал учёный, – мы не приближаемся, а отдаляемся от возжеленной ноосферы» [Миропорядок XXI... 2001: 41].

Причина скрывающейся за этим угрозы регрессивного развития цивилизации – в несоответствии существующих форм общественного устройства и социальной жизнедеятельности требованиям ИТР. Инновационное развитие открывает возможности сознательного регулирования социально-экономических и социокультурных процессов глобализирующегося мира в гармоничном взаимодействии с очеловечиваемой средой обитания. Но реализация возможностей требует максимального раскрытия потенциала креативности человека и социума.

Иначе говоря, ИТР нуждается в многомерном человеке разносторонних знаний и способностей, человеке-созидателе, свободно и творчески мыслящем и действующем в сети соли-

Поворота такого масштаба, какой наметился в наше время, не было в истории человечества. Разве что появление на земле *homo sapiens*. Сейчас же историческое время сжато, спрессовано. Никто не ведаёт, преодолит ли человечество этап «большого переформатирования» или будет отброшено назад. Выбор не предопределён.

В социуме доминируют процессы дегуманизации, обедняющие творческий потенциал человека.

дарных связей с другими людьми, нравственно и политически ответственными за общие дела и поступки. Между тем механизмы освоения открывающихся возможностей используются преимущественно для того, чтобы «втиснуть» как субъектов общественных процессов, так и плоды их деятельности в прокрустово ложе исторически изживших себя форм социального общежития и взаимодействия. В социуме доминируют процессы дегуманизации, обедняющие творческий потенциал человека.

Дегуманизация социума

Тенденция к дегуманизации развитого индустриального общества была замечена и подвергнута критике ещё философами Франкфуртской школы. Один из представителей этого течения социальной мысли, кумир леворадикальной молодёжи 60-х гг. прошлого века Герберт Маркузе в книге с характерным названием «Одномерный человек» показал, что потребительский образ жизни, культивируемый в западных странах «восстаёт против качественного изменения. В итоге возникает форма одномерной мысли и поведения, в которых идеи, стремления и цели, выходящие по содержанию за пределы установленного порядка рассуждений и действий, либо изгоняются, либо сводятся к условиям того же самого порядка» [Marcuse 1968: XVI].

С помощью рекламы и других средств манипулирования сознанием людям навязывается неуёмная жажда потребления и обладания нескончаемым потоком товаров. Страсть к приобретательству становится своего рода «биологической» потребностью, определяющей круг интересов и кругозор человека. Тотальная зависимость от рынка порождает равнодушные к духовным ценностям и политический конформизм. «Репрессивные потребности», отмечал Г. Маркузе, культивируемые индустриально-потребительской системой, «представляют собой, таким образом, в высшей степени стабилизирующие, консервативные потребности: контрреволюция бросает якорь в самой структуре инстинктов» [Marcuse 1969: 4].

На дегуманизацию современного общества вследствие растворения индивидуальностей в безликой массе усреднённых посредственностей обращал внимание и видный испанский социальный философ Хосе Ортега-и-Гассет. Он видел в этом трагедию человека, который не поспевает за темпами развития своей цивилизации. Испанский мыслитель сетовал, что о новой концепции существования человека, которая могла бы стать ответом на вызов, говорят лишь «вскользь и вполголоса», и предсказывал, что об этом «скоро, быть может, придётся кричать» [Ортега-и-Гассет 2000: 163].

Время не заставило себя ждать. Вдумаемся только в то, что происходит в цитаделях капитализма. Начиная с 80-х гг. прошлого века в странах Запада возобладал неолиберальный курс развития, который сопровождается безудержным культом рынка, стремлением редуцировать ценности общественной жизни к экономической эффективности и коммерческой выгоде, аннигилировать само понятие «общего блага».

По словам американского историка-эссеиста Тони Джадта, это привело к «коррозии публичного пространства» и, в конечном счёте, к правовому произволу, к подмене гуманистических норм права «законами джунглей». «...Мы, – пишет он, – утрачиваем понимание того, что общие интересы и общие потребности должны быть выше частных предпочтений и индивидуальной выгоды. А раз мы перестанем считать публичное выше частного, у нас со временем возникнут затруднения в поисках ответа на вопрос, почему это мы должны признавать верховенство закона (преимущественно публичное благо) над силой» [Judt 2011: 129].

Мировоззренческие установки рыночного фундаментализма, о которых пишет американский историк, закрывают саму возможность сознательного регулирования социума с гуманистических позиций. Они толкают к дегуманизации и в отдельных странах, и на глобальном уровне.

В России дегуманизация общественных отношений угрожает самому содержанию и демократическим целям российской реформации. Со времён перестройки страна движется по вязкой колее обеспеченного прагматизма всеобщей коммерциализации. Человек, не замкнутый на мотивацию выгоды, по логике рыночных фундаменталистов, становится «обременением», подрывающим эффективность экономики.

Состояние гуманитарной среды в нынешней России всё больше деградирует. Чем это объясняется? Исторически здесь алгоритмом становления и развития политической культуры выступает конфронтация: это расколы, противостояния, идеологическая нетерпимость. В XX веке Россия прошла все «круги ада»: кровь, ненависть, насилие, страх (три революции, жестокая гражданская война – брат на брата, две мировые войны с многомиллионными потерями, большой террор и ГУЛАГ). Это запечатлелось в исторической памяти народа, вошло в генетический код российского общества.

Вектор, заданный «лихими 90-ми», начиная с авторитарного правления и кончая глубоким расслоением общества, также противоречит гуманистическому обновлению, разрушает гуманитарную среду. Дегуманизация общества в России – едва ли не ведущий тренд развития. Это проявляется во флюсах «рентной экономики», в деградации целых отраслей производства и регионов страны, в вопиющем социальном неравен-

Начиная с 80-х гг. прошлого века в странах Запада возобладал неолиберальный курс развития, который сопровождается безудержным культом рынка, стремлением редуцировать ценности общественной жизни к экономической эффективности и коммерческой выгоде, аннигилировать само понятие «общего блага».

В России дегуманизация общественных отношений угрожает самому содержанию и демократическим целям российской реформации. Со времён перестройки страна движется по вязкой колее обеспеченного прагматизма всеобщей коммерциализации. Человек, не замкнутый на мотивацию выгоды, по логике рыночных фундаменталистов, становится «обременением», подрывающим эффективность экономики.

стве. Последствия – культ «золотого тельца», всепроникающая коррупция и произвол бюрократии, подрыв трудовой этики, разрушение систем образования и здравоохранения, падение морали, ожесточение межчеловеческих отношений, духовное опустошение.

Тотальная коммерциализация под предлогом эффективности выхолащивает из общественной жизни гуманистическую составляющую. Идеалы, благородные устремления, одухотворённость как высшая ценность культуры улетучиваются из социума. Исчезают маяки нравственности, бескорыстного служения общему благу, подрываются основы человечности. Отношения между людьми пытаются «загнать» в один гипертрофированный рынок. Творческий индивид в такой среде не востребован, он задыхается. Нормативы общественного поведения кроются правящей элитой по лекалам выгоды для богатых и сильных. Альтруизм в поведении клеймится как проявление патернализма, несовместимого с рыночными принципами.

Такое положение могло бы сохраняться и дальше. Правящий режим поддерживается большинством: располагая сверхдоходами от «рентного пирога» сырьевой экономики, он имеет возможность выделять толику благ из «природного рога изобилия» для амортизации острых очагов протеста, культивирования атмосферы социального конформизма. Однако в глобализирующемся мире Россия поставлена перед выбором: перейти к ИТР или оказаться на задворках мирового социума. Правящая элита России – в противоречивом положении. Абстрактно-теоретически она хотела бы включиться в мейнстрим инновационной модернизации, но, опасаясь за монополию на власть, противодействует её главной составляющей – раскрепощению и свободному развитию человеческого и социального капитала. Этот «противоход» угрожает срывом в экстремальную ситуацию, при которой «верхи» не смогут управлять по-старому, а «низы» не захотят мириться с потерями. Признаки такого положения проявились в экономическом кризисе 2008–9 гг. и с тех пор постоянно напоминают о себе. Симптомы нового экономического кризиса, разрушающего рентную базу «стабильной инерционности» и благодушных конформистских настроений, предвещают более серьёзные угрозы. Тогда не только правящий класс, но и всю Россию ждут большие неприятности.

Ростки нового гуманизма

В условиях нарастающей угрозы духовной деградации, преграждающей дорогу инновационной модернизации, творческая прослойка общества обязана встать на защиту культуры

и нравственности, за сохранение гуманитарной среды, за развёртывание массовой просветительской деятельности, ориентированной на очеловечение социума.

Наше общество перед дилеммой. Или удастся переломить ситуацию в русле инновационной модернизации; или нас ждёт духовное обнищание, и тогда, перефразируя Е. Замятина, придётся сказать, что у российской культуры нет иного будущего, кроме её прошлого. Очевидно, что при нынешнем состоянии российского социума общественное сознание не готово к вызовам ИТР. Прежде всего надо остановить дегуманизацию общества. Тогда будет дан простор раскрытию потенциала необходимых для ИТР возможностей человеческого и социального капитала. В этом контексте возрождение и развитие нового гуманизма приобретает большой исторический смысл.

По контрастности противоборства сил разума и невежества XXI век напоминает XV–XVI века европейской истории. В обоих случаях луч знаний высвечивает людям возможность нормальных гуманистических отношений в социуме. Одновременно наблюдается всплеск акций, попирающих человеческое достоинство. Общество переживает полосу турбулентной тряски, которая вносит в жизнь людей хаос неустойчивости и неопределённости, сопряжённый с бедствиями и ожесточением. В обоих случаях назревают большие социальные перемены. В XV–XVI веках надвигалась эра буржуазных революций, открывших эпоху индустриального общества. В XXI веке мерцают зарницы эры «инновационной модернизации», открывающей эпоху «постиндустриального» общества.

На заре индустриализма, когда в нарождавшемся капитализме обнаружили антигуманные коннотации, возникло (сначала в общественной мысли, а позднее и на практике) течение просветительского гуманизма. Гуманистическое мировоззрение пронизало атмосферу европейского общества, стало противовесом жестокому и беспощадному угнетению, которые нёс с собой «манчестерский капитализм» – символ бесчеловечности. Тогдашний гуманизм был по-детски наивным, полагался на безграничную мощь разума, считал, что одной силой убеждения можно внести в социальную жизнь полную гармонию и всеобщую справедливость. Однако при всех недостатках и слабостях именно гуманистическое движение эпохи Возрождения сыграло незаменимую роль в нейтрализации наиболее отвратительных черт капиталистического гнёта, заложило идейно-нравственные предпосылки для борьбы за гуманизацию общества.

Начавшееся ныне глобальное переформатирование общества создаёт острую потребность в новом гуманизме. Быстро изменяющийся мир нуждается в гуманистическом просвещении. Конечно, новый гуманизм – не простая ксерокопия гума-

нистов прошлого. Мы знаем, что полная гармония в социуме недостижима, что мир по своей природе антиномичен, поэтому надо уметь жить с противоречиями и конфликтами, обладать высокой культурой толерантности, овладевать искусством сохранения единства человеческой сущности в растущем многообразии проявлений её креативности. Если гуманизм XV–XVI веков заложил идейные основы освобождения личности, востребованного нарождавшимся индустриальным обществом, то миссия нового гуманизма сложнее. Она в том, чтобы найти более высокие стандарты, критерии свободы и креативности человека и социума, которые позволят реализовать назревшие задачи перехода цивилизации к ИТР.

Новый гуманизм требует переосмысления этических основ политики. Вместо противопоставления политической этики ответственности нравственной этике убеждения должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках единого гуманистического алгоритма.

Очевиден эпохальный масштаб перехода к новой парадигме публичной политики. Сегодня видны лишь первые, не всегда ясные проблески зарождающейся модели гуманистической политики. Они проявляются, в частности, в сетевых социальных движениях (ССД), нацеленных на достижение более высокой гуманности. По мнению испанского социолога М. Кастельса, эти движения преследуют цель «изменения ценностей общества», поэтому в системе координат существующей модели политики они выглядят непрактичными и не могут реализовать свой протестный потенциал в рамках этой модели. Для их успеха необходима «трансформация властных отношений, которая стартует в сознании народов и получает развитие в форме сетей, создаваемых проектами новых акторов, выдвигающихся на роль субъектов вновь творимой истории» [Castells 2012: 227–228].

Иначе говоря, трансформация социума, пунктирно намеченная практикой сетевых социальных движений, потребует целой эпохи продвижения по «неизведанной дороге создания новых форм общения», выработки «фундаментальной культурной матрицы современных обществ», освоения новых смыслов общественной жизнедеятельности, «поиска нового социального контракта» [Castells 2012: 230–231].

Слабости ССД по нынешним стандартам политики (отсутствие единой политической программы, ярких лидеров, приоритет горизонтальных связей над вертикальными) обрачиваются преимуществами в перспективе поиска гуманистической модели политики. Сетевые связи в политике ведут к изменению конфигурации властного поля, закладывая предпосылки для преодоления отчуждения власти от общества, фатального доминирования в политической сфере наиболее сильных групп частных интересов.

Новый гуманизм требует переосмысления этических основ политики. Вместо противопоставления политической этики ответственности нравственной этике убеждения должна быть найдена формула их оптимального сопряжения в рамках единого гуманистического алгоритма.

Сетевые связи в политике ведут к изменению конфигурации властного поля, закладывая предпосылки для преодоления отчуждения власти от общества, фатального доминирования в политической сфере наиболее сильных групп частных интересов.

Идеология, интересы и реальность

Ростки новых тенденций в политике наталкиваются на сопротивление заостренных структур идеологического восприятия действительности. Своё бытие и происходящие в нём перемены человек воспринимает в зависимости от занимаемого им положения в социуме. В этом заключены корни идеологии – системы идей и воззрений, выражающих интересы различных сообществ, классов, социальных групп. Это смысловое ядро общественного сознания, формирующееся в соответствии с приобретаемым этими группами специфическим опытом. Через идеологическую призму вырисовывается и уясняется соотношение частного и публичного в общественной жизни, определяется линия поведения субъекта (группы, класса, нации) по отношению к социуму, накапливается материал для программы действий субъектов истории. Отсюда вытекают и основные функции идеологии: 1) сублимация смыслов жизнедеятельности; 2) апология порядка властвования или, напротив, поиск альтернативы; 3) целеполагание в политике и управлении; 4) пропаганда и мобилизация сторонников данной идеологии.

Любая идеология по определению наделена инструментальными функциями по реализации соответствующих кластеров интересов. Это – орудие (средство) ориентации субъекта социального действия в превратностях общественно-политической жизни. Для выполнения этой функции большое значение приобретает проблема соотношения идеологии и реальности. На первый взгляд, алгоритм этого соотношения можно было бы выстроить по аналогии с отношениями науки и объективного мира. В научных категориях (конструкции разума) отражаются законы природы (общие, существенные, повторяющиеся связи предметов и явлений окружающего мира), и этим обеспечивается известная мера соответствия между тем, что выражено в понятиях, и тем, что существует в реальности.

Однако предложенная аналогия неправомерна. Причина кроется в принципиальном различии между двумя «объективными реальностями» – природы и социума. В природе «объективное» существует само по себе, независимо от сознания, представленного наукой. В социуме «объективное» является не само по себе, а только вкупе с действующим сознанием. Этот вид реальности складывается по стохастической матрице как результат деяний субъектов, наделённых сознанием и способных к произвольным и непредсказуемым поступкам. Само форматирование этой «объективной реальности» субъективно и вариативно.

Основные функции идеологии:

1. Сублимация смыслов жизнедеятельности.
2. Апология порядка властвования или, напротив, поиск альтернативы.
3. Целеполагание в политике и управлении.
4. Пропаганда и мобилизация сторонников данной идеологии.

На эту особенность социальной реальности К. Маркс указывал в «Тезисах о Фейербахе», усматривая недостаток прежнего материализма в том, что действительность берётся им «в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [Маркс, Энгельс 1955: 1]. И далее: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*» [Маркс, Энгельс 1955: 2].

Это значит, что не существует «объективной реальности социума», «очищенной» от интересов и воззрений действующих субъектов. Идеологии вплетены в живую ткань реальности, интерпретируя и форматируя её соответственно интересам своих носителей.

Наполеон Бонапарт был, видимо, не так уж далёк от истины, когда упрекал «идеологов» – французских сенсуалистов – в искажённом восприятии реальности («фальшивое сознание»). Инстинктом большого политика он уловил, что попытки втиснуть практику живого исторического творчества в надуманные «научные» схемы, сконструированные по единым шаблонам, вызывают эффект «ложного сознания», омертвляющего деятельность. Практика живых субъектов исторических деяний, развёртывающаяся на базе социальных интересов, идей, предпочтений, больших человеческих страстей – таков самопроизвольно действующий реактор саморазвития социума. От него исходят постоянные импульсы энергии социального творчества, наполняющей бытие жизнью и преобразующей действительность.

Это не означает, что социальное бытие лишается объективной логики. Оно освобождается от доктринёрской мифологии predeterminedности, исключаяющей из социума «душу» – субъективность, а, значит, вариативность оценок и действий, формирующих феноменологический уровень реальности. Из всей совокупности спонтанного разнообразия социального опыта история сохраняет и накапливает относительно устойчивое «ядро» общественных практик, механизмов, институтов. С этой данностью должны считаться все субъекты социального действия. В то же время имманентная субъективность общественной практики обуславливает высокую степень релятивности социально-политических процессов. В котле перманентного взаимодействия идеологии и реальности происходит двуединый процесс: с одной стороны, адаптация идей и интересов к реалиям социума, с другой – воздействие идеологий на эти реалии ради их изменения или замены другими, отвечающими интересам новых поколений творцов истории.

Противоречия могут принимать и деструктивный характер, порождать угрозы и риски, плодить иллюзии и симулякры, заводить в тупик, ввергать социум в катастрофы

и бедствия. Поэтому важны профилактические методы «снятия» или смягчения противоречий между идеологиями, пристрастно живописующими образы реальности согласно интересам и взглядам «драйверов» социальной жизнедеятельности, и самой реальностью. По содержанию социальная реальность богаче идеологических аналогов. В реальности могут присутствовать такие феномены и процессы, которые отторгаются идеологией, и она прибегает к маскировочным приёмам «потёмкинских деревень», скрывая «нежелательную» реальность. Или, наоборот, действительность не приемлет милые сердцам элиты идеологемы, и тогда применяются описанные Д. Оруэллом практики мимикрии: мифы «опредмечиваются» в сознании и поведении людей. Но в реальности зарождаются также новые возможности креативного развития общества, осмыслению и реализации которых мешают устаревшие идеологические стереотипы. В таких случаях велика роль социального познания в выявлении «ростков нового», как в реальности, так и в эволюции самой идеологии.

Среди способов смягчения противоречий между идеологиями и реальностью заслуживают внимания две категории профилактических мер. *Во-первых*, это «очищение» идеологем в горниле конкретного анализа эмпирических данных. Исследовательская эмпирика – это своего рода «гносеологический невод», позволяющий улавливать новые идеи и ценности в социальном опыте и выносить их как в лаборатории научного мышления на предмет теоретического дискурса, так и в публичную сферу для общественной рефлексии. *Во-вторых*, это культура толерантности, которая востребована насущной потребностью в общечеловеческой солидарности. Она позволяет представителям разных культур и цивилизаций учиться понимать и сравнивать постулаты и выводы разных идеологических концепций. Тем самым расчищается путь к осознанию себя единым в многообразии человеческим сообществом.

Идеологический плюрализм и государство

Современный социум чрезвычайно многообразен и многолик по самым различным признакам, начиная с географических и национально-этнических особенностей, и кончая экономическими, культурными, политическими условиями. Глобализация мира, спрессовывая социум во взаимосвязанную целостность, не только не уменьшает, но даже увеличивает это многообразие. Это не может не приводить к своеобразию общественного положения различных человеческих групп, классов и сообществ, а, значит, и к специфике восприятия ими мира. Отсюда широкий диапазон идеологических различий в общественном сознании.

Исследовательская эмпирика – это своего рода «гносеологический невод», позволяющий улавливать новые идеи и ценности в социальном опыте и выносить их как в лаборатории научного мышления на предмет теоретического дискурса, так и в публичную сферу для общественной рефлексии.

Плюрализм проявляется не только в классических идеологиях, аккумулирующих опыт больших общественных движений. Он проявляется и в воззрениях небольших сообществ и отдельных личностей, опыт которых выходит за рамки существующих идеологических течений и абсорбируется в каких-то особых, иногда экстравагантных представлениях или понятиях. Таким образом, идеологический плюрализм – это данность, порождённая многообразием социума и противоречащая другой тенденции современного мира – стремлению к единству, консолидации. Тенденция эта проявляется в деятельности государства – института, который властными средствами сплавливает исторически сложившиеся национальные и национально-гражданские общности (нации, нации-государства, страны).

Трудно переоценить значение идеологических, духовно-ценностных скреп в консолидирующей деятельности государства. У рьяных «государственников» возникает искушение кастрировать идеологический плюрализм и упаковать идеологию в универсальную государственную оболочку, попутно очистив её от «еретических» и «оппозиционных» идей, разрушающих идиллию нерушимого единства. Исторический опыт предостерегает от такого «искушения». Оно несёт в себе не меньшие риски, чем «безбрежный идеологический плюрализм». «Единая государственная идеология» – атрибут авторитаризма. Выстроенная на его основе «монополия на идеологию» эффективно применялась тоталитарными режимами как инструмент духовного закрепощения общества.

Исследуя истоки тоталитаризма, немецкий социальный мыслитель Ханна Арендт указывала на три авторитарных свойства всякого идеологического мышления: 1) склонность объяснять не то, что есть, а «логику истории»; 2) освобождение тотальной мысли от опыта и реальности; 3) абсолютизация дедукции как логической процедуры доказательства. Для авторитарных систем идеология притягательна своими аподиктическими наклонностями. «Самообуздывающую силу абсолютной логичности пускают в ход, чтобы никто никогда даже не начал по-настоящему мыслить, ибо мышление как самый свободный и чистый вид человеческой деятельности есть прямая противоположность автоматически-принудительному процессу дедукции». Поэтому демократическое понимание идеологии предполагает «свободу в качестве политической реальности», которая «тождественна существованию некоторого пространства между людьми для их самочинного движения» [Арендт 1996: 610–615].

Ограниченный опыт индивида не может воспринять реальность во всей её полноте и сложности. Из-за этого и возникает потребность в идеологиях, сублимирующих социальный опыт социума. Но он не должен восприниматься на веру

Идеологический плюрализм – это данность, порождённая многообразием социума и противоречащая другой тенденции современного мира – стремлению к единству, консолидации.

как свод догматов, которым надо слепо следовать, он должен быть пропущен через «самочинный» опыт, осмыслен на базе собственного опыта индивидов.

Оценка научной политической мыслью опыта единой государственной идеологии, накопленного преимущественно в авторитарные периоды истории государств, носит негативно-критический характер. Это относится и к государственной идеологии советской истории. Граничившее с религиозным фанатизмом навязывание обществу официальной идеологической доктрины нанесло колоссальный ущерб духовному развитию российского социума. Извлекая уроки из прошлого, Конституция РФ наложила вето на государственную идеологию. «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», – сказано в части 2 Статьи 13 Конституции [Конституция РФ 1993: 8].

Тем не менее, авторитарные тенденции в функционировании и развитии политической системы России служат постоянно действующим источником запроса на государственную идеологию. В среде правящей элиты бытует мнение, что такое решение могло бы нейтрализовать негативные последствия для консолидации общества того глубокого социального расслоения, которое произошло в ходе российской реформации.

Может ли государственная идеология интерпретироваться не как альтернатива плюрализму, а как некая метаидеология, доминирующая в идейно-политической жизни общества? О «метаидеологии» – чуть позже. Что касается государственной гегемонии в духовной сфере, то авторитарные государства всегда стремились к ней, если не в «жесткой», то в «мягкой» форме. И всегда это приводило к политизации идеологии, ограничивавшей свободное развитие культуры. Между «государственной идеологией» и «идеологическим плюрализмом» существует противоречие. Государство (даже самое демократическое), выполняя функцию консолидации общества, лимитирует идеологический плюрализм. Вот почему идеологию не следует отдавать на откуп государству. В стремлении поставить идейно-политическое многообразие в правовые рамки государство, особенно авторитарное, может пойти слишком далеко. Чтобы не допустить этого, демократическая практика выработала инструментарий сдержек и противовесов со стороны гражданского общества, социальных движений и политических партий. Защищая интересы граждан, выполняя эту функцию, они отстаивают концепции и доктрины, отличающиеся от идеологии правящей элиты, а нередко и оппозиционные ей.

Метаидеология государственного доминирования в идеологии могла бы возникнуть в таком обществе, где базовые ценности разделяются, по крайней мере, большинством населения.

В современной России это просто невозможно. При нынешнем уровне социального неравенства общество расколото. И по восприятию реальности – больше трети россиян считают неоправданным нынешний уровень дифференциации доходов, а доля согласных с этим уровнем тоже близка к трети. И по ценностным ориентациям – более трети граждан хотели бы жить в обществе индивидуальной свободы, в то время как две трети населения предпочли бы общество социального равенства [Горшков, Тихонова 2013: 41, 39].

Принимая во внимание национально-этническое и социокультурное многообразие России, идеологическая среда российского общества не может не быть плюралистичной. Единая идеология положила бы конец демократическому развитию страны и закрепила бы авторитарный выбор политической элиты со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Это не означает, что государство индифферентно к идеологии. В качестве института власти и управления оно возникает и развивается как составная часть гетерогенных территориальных и национально-этнических сообществ. Общность исторической судьбы населения этих сообществ, не устраняя различий социальных интересов и воззрений (а значит идеологического плюрализма), порождает объединяющие всех интересы, обычаи и традиции совместного проживания и взаимодействия, общее видение своего места в истории. Собственно благодаря этой не всегда определённой, раздираемой внутренними противоречиями общности возникает сама возможность объединиться в одном государстве. Это своего рода метаидеологическая матрица, позволяющая государству, опираясь на исторически сложившиеся духовно-нравственные ценности и традиции социума, использовать идеологический компонент как фактор консолидации трансформирующегося общества. Для теоретического мышления – это вопрос формирования метаидеологии, толерантной по отношению к инакомыслию. Взаимодействуя с традиционными идеологиями, она могла бы впитывать в себя общие для них идеи и ценности.

Гуманизм VS конформизм

Большая проблема, однако, состоит в том, что внутренний демократизм метаидеологической концепции не возникает самопроизвольно. Демократическим трендам в социуме противостоят авторитарные и националистические. Они ориентируют, нередко под прикрытием государственных и национальных интересов, на идеологическое единство общества и непримиримую борьбу с идеологическими «ересями». В российском обществе, отягощённом авторитарным наследием прошлого, эти тренды, особенно сильны. Они

укоренены в довольно устойчивых государственных стереотипах массового сознания и способствуют конформистским тенденциям.

Социологические опросы показывают, что в расколотом российском обществе сторонников больших перемен – меньшинство. В России много недовольных, они раздражены и ворчат по разным поводам. Однако по крупному счёту «народное большинство» тяготеет к конформистским позициям. Причины – в инертности общественного сознания, приверженности государственным традициям, а также в устойчивом синдроме «рентного пирога», замешанного на сырьевых сверхдоходах.

Конформизм глушит волю к переменам. Но не будет вечно довлеть над общественным сознанием и поведением российских граждан. Дегуманизация общества продолжается, и она всё сильнее препятствует инновационной модернизации. В нарастающей степени последствия будут побуждать граждан к осознанию необходимости гуманистического прорыва. Но это сравнительно долгий процесс. Перипетии социально-политического развития России показывают, что она не может сразу, одним рывком выбраться из вязкой авторитарно-патерналистской колеи инерционного развития. Как образно выразился поэт Максимилиан Волошин:

*И вопреки бичам идеологий
Колёса вязнут в старой колее.*

Но общество испытывает нарастающую потребность и усиливающуюся тягу к преобразованиям инновационного гуманистического характера. С чего начиналось просвещение в эпоху Возрождения? С деятельности одиночек-гуманистов. Современники считали их мечтателями-идеалистами, и тогдашняя действительность как будто бы подтверждала правоту таких оценок. Но просветители-одиночки были провозвестниками будущего, они готовили почву для грядущего торжества гуманистических идей.

Австрийский писатель Стефан Цвейг, описывая жизненный подвиг великого гуманиста Эразма Роттердамского, не дождавшегося прижизненного признания своих идей, отмечал историческую значимость его просветительской деятельности. Он писал: «...Всегда нужны будут люди, которые среди раздоров напоминают о том, что объединяет народы, которые возрождают в сердцах человеческих мечту о торжестве человечности. Завещание Эразма – великий обет. Ибо лишь возвышаясь до общечеловеческого, человек может превзойти самого себя. Только ставя цели выше личных, и, быть может, невыполнимые, люди и народы познают своё истинное, святое назначение» [Цвейг 1977: 262].

Истинная оценка просветительской деятельности одиночек-романтиков эпохи Возрождения пришла позднее. Просвещение обернулось грандиозными программами обще-

ственных преобразований и великими деяниями буржуазных революций. В нынешнем российском обществе начать гуманистический поворот могут и должны те немногие, кто готов к просветительству в защиту идеалов и ценностей гуманизма.

Просвещение – важнейшее средство борьбы за перемены. Нельзя успешно бороться за реформы, не получая адекватных представлений о смысле, механизмах и противоречиях российской реформации, не освобождая общественное сознание от устаревших стереотипов, предрассудков и мифов. В то же время гуманистическое просвещение невозможно без политической борьбы за нормальное функционирование публичной сферы, без постоянного стимулирования общественной рефлексии. Это две стороны одной медали. Просвещение является частью реформаторской деятельности, в которой осмысливаются и решаются вполне конкретные программные требования.

Среди них на передний план сегодня выходят те требования, реализация которых непосредственно расчищает путь для инновационного развития России. Это – осуществление комплекса императивно назревших мер гуманизации российского общества как способа раскрытия его креативного потенциала. В первую очередь к числу этих мер относятся:

- **Обеспечение достоинства, свободы и прав личности в обществе.** За годы реформации в этой сфере произошли некоторые подвижки. Права и свободы личности зафиксированы в Конституции РФ. Но, скорее, это декларация о намерениях. Пока Россия далека от того, чтобы человек был высшей ценностью для государства и государственных чиновников. Такого отношения к человеку нет и в обществе. Возведение рыночного фундаментализма в ранг государственной политики, культивирование «рентного конформизма» подрывают фундамент гражданской солидарности, насаждают обывательское равнодушие в отношении стремлений и поступков сограждан, выходящих за пределы рутинных, нередко косных, порядков. Может ли гражданин, чей выбор поставлен в такие рамки, быть инициативным модернизатором? Вопрос, как говорится, риторический.

- **Развитие и преобразование исторически сложившихся систем и методов социализации личности,** от чего накопление отвечающего требованиям ИТР потенциала креативности зависит не менее, чем от наличия в обществе свободы и прав личности. Обновлённые критерии социализации определяются тем, что новый гуманизм нарождается как мировоззрение и совокупность социальных практик, направленных на сознательное «творение» и регулирование жизнедеятельности мира (ноосфера). Главным содержанием инновационного реформирования системы образования человека, с этой точки зрения, должны стать развитие творческих способно-

Просвещение – важнейшее средство борьбы за перемены. Нельзя успешно бороться за реформы, не получая адекватных представлений о смысле, механизмах и противоречиях российской реформации, не освобождая общественное сознание от устаревших стереотипов, предрассудков и мифов.

Пока Россия далека от того, чтобы человек был высшей ценностью для государства и государственных чиновников. Такого отношения к человеку нет и в обществе.

стей, умения самостоятельно мыслить, расширение кругозора и фундаментальность знаний обучающихся. Точно также, ориентируясь на человека инновационной формации – креативного, энергичного, инициативного, предстоит модернизировать системы охраны здоровья, детского воспитания, рекреации, социального обеспечения.

- *Восстановление, а затем и дальнейший подъём роли науки в развитии общества.* Пережитая российской наукой четверть вековая полоса упадка (не востребованность со стороны государства и общества, хроническое недофинансирование, падение престижа профессии, утечка мозгов, распад научных школ) ставит осуществление этой меры на грань невозможного. Но без неё лишается смысла сам призыв к инновационной модернизации. Как можно без процветания науки реструктурировать сырьевую экономику, обеспечить приоритет высокотехнологичным и наукоёмким отраслям, влиться в мейнстрим инновационного развития глобального социума? Речь при этом идёт не только о прикладной, но и о фундаментальной науке, которая расширяет интеллектуальный горизонт общества, обогащает его креативный потенциал. Шанс для России – собрать воедино все материальные, интеллектуальные и волевые ресурсы и, если ещё не поздно, вытащить науку из ниши бедственного положения, превратить научную деятельность в наиболее престижный вид труда, разработать систему стимулов для вовлечения в научную сферу самой способной и талантливой части российской нации. Общество инновационного типа предполагает, что научное мышление и научные знания проникают во все поры социума.

- *Переосмысление содержания и функций гуманитарного знания в комплексе научных дисциплин.* Динамичная современность вскрывает дефекты прямолинейной экстраполяции понятия «закон» из натурфилософии в гуманитарные науки. Здесь нужны более эластичные категории, стохастические матрицы, улавливающие непредсказуемые вибрации социума, энергетику людских страстей, роковые случайности, драйвы ценностных мотиваций, соблазны привлекательных альтернатив и просто индивидуальные особенности лидеров. Анализ этих процессов не может дать позитивистской ясности в определении необходимой (тем более, неизбежной) линии развития событий; познанию доступны лишь контурно верные, вероятностные сценарии исходов и перспектив движения социума.

Зато предмет и функции гуманитарного знания – не только факты и процессы, но также ценности жизни и культуры. Кроме знания законов природы, наука должна раскрывать внутренний мир человека, природу тех психологических, нравственных, эстетических, духовно-идеологических сил, которые побуждают индивидов к социальному действию. Дать

Общество инновационного типа предполагает, что научное мышление и научные знания проникают во все поры социума.

людям научные знания о тех ценностях культуры, в которых сублимирован социальный опыт человечества и которые образуют основу преемственности в развитии цивилизации, – такова важнейшая функция гуманитарных наук.

Не менее важна роль гуманитаристики в обосновании социальной концепции действительности – системы воззрений на мир в целом, постулатов и принципов деятельности человека в этом мире. Всё больше признаков того, что с переходом к ИТР и глобализацией намечается смена парадигмы социального видения мира. Стоит задуматься, можно ли вообще воспринять действительность достаточно полно и адекватно в рамках одной какой-либо теоретической традиции? При нынешней сложности социума нельзя осмыслить социальную реальность глубоко и всесторонне, не сопоставляя её видения с разных позиций. Ни одна социальная концепция не может претендовать на монолитную целостность и непротиворечивость. Скорее постижение истины – перманентный процесс синтезирующего взаимодействия разных течений общественной мысли, в результате которого формируется интегральное ядро представлений о развитии социума.

- Демократизация политической системы и всего общественного устройства российского социума. Новый гуманизм ориентирован прежде всего на творческого индивида, положение которого подталкивает к сознательному участию в управлении социумом. Представительная демократия лишь частично обеспечивает условия для этого. В современном мире она переживает кризис, вызванный профессионализацией политики и применением новых технологий манипулирования сознанием. Для сохранения демократии ведётся поиск новых форм политического правления. Выдвинута идея «мониторинговой демократии», возрождающей черты (элементы) прямого участия граждан в формировании публичной политики и контроле над деятельностью органов власти [Keane 2009]. За последние полвека общество изобрело много способов мониторинга и контроля власти. Намечаются существенные сдвиги в конфигурации отношений между властью и гражданским обществом. Институты мониторинговой активности стремятся вдохнуть новую жизнь в демократию, помочь ей обуздать высокомерие власти, привить культуру скромности и толерантности. Реализация этих идей сопряжена с развитием публичной сферы общества, культивированием общественной рефлексии по вопросам политики.

Изложенный комплекс мер пунктирно намечает перспективу гуманистического прорыва, необходимого для инновационного развития общества и создания благоприятной среды для культивирования в России метаидеологии нового гуманизма.

Постижение истины – перманентный процесс синтезирующего взаимодействия разных течений общественной мысли, в результате которого формируется интегральное ядро представлений о развитии социума.

Институты мониторинговой активности стремятся вдохнуть новую жизнь в демократию, помочь ей обуздать высокомерие власти, привить культуру скромности и толерантности.

Метаидеология нового гуманизма

Понятие «метаидеология» встречается на страницах политологических учебников. Английский профессор Эндрю Хейвуд определяет это понятие как «идеологию высшего порядка, основу для дискуссий по более частным идеологическим проблемам» [Хэйвуд 2005: 53, 516].

Как бы ни были разнообразны интересы и воззрения различных объединений и сообществ людей, они всегда представляют *homo sapiens*, человека. Значит, за различиями традиционных идеологий («за» выражено приставкой *мета* – *по ту сторону, после, между*) скрывается некий *общий знаменатель* родового свойства. За ним стоят потребности и запросы, инстинкты и потенции человека как такового. Они-то и образуют основу для метаидеологии. Метаидеологические черты присущи и всем традиционным идеологиям, претендующим на универсальность и обращающимся вследствие этого к общечеловеческим ценностям.

В современную эпоху проблема поиска идейных постулатов метаидеологии, способной консолидировать человечество, приобретает жизненное значение как для выживания цивилизации, так и для определения перспективы её развития. Глобализация мира и решение порождаемых ею глобальных проблем создают необходимость интеграции разделённого на сегменты общественного сознания в «планетарное сознание» человеческого рода, сохраняя при этом многообразие существующего цивилизационно-культурного плюрализма. Эта грандиозная задача предполагает осознание инвариантности базовых ценностей человеческого сообщества и, прежде всего, основополагающего постулата – человек есть высшая ценность; расширение рамок гражданственности до вселенских масштабов; конструирование институционального каркаса «мира миров» – глобальной модели социума, живущего по принципу: «единство в многообразии».

Новый гуманизм – это отнюдь не идеология, отражающая положение и интересы какой-то особой группы и вступающая в противоборство с уже существующими идеологиями. И не «конвергенция» существующих идеологий или выработка некой «синтетической идеологии» [Байдаков, Белкин 2013: 12]. Это, скорее, консолидирующий духовно-нравственный этос вселенского многообразия рода людского; это мировосприятие, объединяющее людей, готовых к соблюдению гуманистических принципов и норм гражданского единения и толерантности, независимо от их идеологической ориентации, социальной и национально-государственной принадлежности. Это планетарная метаидеология граждан земной цивилизации.

Несмотря на гетерогенность и даже антиномичность интересов и воззрений, гражданское общество как носитель самодеятельного начала в социуме таит в себе неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности – краеугольного камня гражданского фундамента «исторических компромиссов», способных сохранить и оформить целостное единство глобального «мира миров». От того, как эти ресурсы будут задействованы, зависит социальная, международная и цивилизационная устойчивость человеческого общества.

Неблагоприятный фон – обострившиеся межнациональные и цивилизационные противоречия, геополитические конфликты, разрывающие мир кровопролитные схватки «своих» и «чужих» порождают сомнения в способности нынешнего поколения землян задействовать эти ресурсы. Сможем ли мы обуздать кипящие страсти, умерить агрессивные инстинкты, подавить в себе фатальную одержимость фанатизма и встать на путь конструктивного диалога в поиске общих принципов жизнедеятельности земной цивилизации? Такой исход не предопределён. За него надо бороться, и в этом смысл гуманистических движений.

Новый гуманизм – жизненная потребность социума в самосохранении. Для её реализации нужна всеобщая солидарность в противостоянии дегуманизации – этой осовремененной форме варварства. Защита и развитие гуманистических традиций, осмысление новых форм, стандартов, ценностей, образцов, критериев гуманизма в нарождающемся информационном обществе – это глобальная проблема, от которой зависит, перешагнёт ли человеческая цивилизация через порог ноосферы. Или драматическая история земного очага разума завершится самоуничтожением. Ставка достаточно высока, чтобы отнестись к ней с должной мерой ответственности.

Второе пришествие интеллигенции?

Особо следует сказать о роли интеллигенции в формировании гуманистической культуры. Как известно, понятие «интеллигенция» российского происхождения. В России XIX века этот термин стал употребляться для обозначения той образованной прослойки населения, которая была носителем высоких нравственных принципов, выступая против крепостничества и деспотизма в защиту угнетённых и униженных. Россия была традиционалистски консервативной страной, где, как отмечал В. О. Ключевский, дремучая «русская старина преображала» все реформы [Ключевский 1959: 362–363]. Поэтому морально-этическая составляющая стала определяющей для понятия «интеллигенция»; в отличие от западных стран, где для обозначения образованных слоёв общества используется термин «интеллектуалы».

Несмотря на гетерогенность и даже антиномичность интересов и воззрений, гражданское общество как носитель самодеятельного начала в социуме таит в себе неисчерпаемые ресурсы общегуманистической солидарности – краеугольного камня гражданского фундамента «исторических компромиссов», способных сохранить и оформить целостное единство глобального «мира миров».

Новый гуманизм – жизненная потребность социума в самосохранении. Для её реализации нужна всеобщая солидарность в противостоянии дегуманизации – этой осовремененной форме варварства. Защита и развитие гуманистических традиций, осмысление новых форм, стандартов, ценностей, образцов, критериев гуманизма в нарождающемся информационном обществе – это глобальная проблема, от которой зависит, перешагнёт ли человеческая цивилизация через порог ноосферы.

Казалось бы, если ядро гуманистического мировосприятия – морально-нравственные ценности – главный атрибут интеллигенции, то именно она, по определению, должна выступать застрельщиком и ведущей силой гуманизации российского общества. Увы, это далеко не так. В советский период, а затем в годы радикально-либеральных реформ с интеллигенцией произошли метаморфозы, подорвавшие её моральный авторитет в обществе.

Показательны данные о восприятии понятия «интеллигентность» пользователями интернет-сети, полученные с помощью *когнитометрии* – технологии анализа смыслов употребления слов в интернет-коммуникациях. Вот что на этот счёт пишет автор статьи Г. Любарский: «Комплекс описаний интеллигентности ещё недавно обладал ценностным значением, имелся список обязательных свойств, кодекс интеллигентности. Теперь он всё чаще не воспринимается всерьёз, а над отвергнутыми святынями смеются. Это и есть акт разрушения ценности – смех. То, что только эти слова несут нормативный аспект значения, и именно они чаще употребляются в ироническом ключе, указывает на уходящую в прошлое, разрушающуюся, отвергаемую, но всё ещё живую систему ценностей» [Любарский 2012].

Когнитометрия беспристрастно зафиксировала фактическое положение дел: морально-этический кодекс интеллигентности – стержень формирования из образованных граждан особой социальной прослойки, способной по убеждению противостоять безнравственности и несправедливости, разрушается в процессе дегуманизации российского общества. Научные знания и высокая культура человечности – самое действенное оружие интеллигенции в противоборстве с невежеством, фундаментализмом и мракобесием – нынешние адепты рыночной и криминальной дегуманизации общества пытаются нейтрализовать насаждением субкультуры обывательского примитивизма и низкопробной развлекательности.

Интересные соображения по этому поводу высказывает философ и публицист Владимир Пастухов. Говоря об упадке в России городской субкультуры, он замечает: «Присущие последней способности к рефлексии, гибкости и сложности мышления оказываются в условиях «рентной экономики» совершенно бесполезными и даже обременительными, не помогают, а мешают приспособиться к простым реалиям варварского общества. Такая субкультура пребывает в состоянии постоянной подавленности и деградирует» [Пастухов 2012].

Торжествующая культура примитивизма и дилетантства – как чёрная дыра, неотвратимо поглощающая духовные ценности общества и лишаящая его перспективы. Она-то и поглощает интеллигенцию, выталкивая её на обочину обще-

Когнитометрия беспристрастно зафиксировала фактическое положение дел: морально-этический кодекс интеллигентности – стержень формирования из образованных граждан особой социальной прослойки, способной по убеждению противостоять безнравственности и несправедливости, разрушается в процессе дегуманизации российского общества.

ственно-политической жизни. Однако этой пагубной для России тенденции противостоит другая, расширяющая возможности изменить матрицу развития российского общества. Это, как уже отмечалось, нарастающая потребность государства и общества перейти на инновационный путь социально-экономического развития.

Такая тенденция может стать пружиной реформаторского прессинга на политический режим, на правящую элиту, на общество в целом. Можно надеяться, что следствием прессинга станет возникновение новых и новых очагов напряжения во власти, в элите, в обществе. От них при каждом общественном повороте с возрастающей силой будут исходить импульсы, побуждающие к реформам инновационного характера; тогда появятся рычаги воздействия на публичную политику, появятся и люди с горячими сердцами, способные привести эти рычаги в действие.

Для лучшей части интеллигенции, которая в годы лихолетья и произвола со стороны «богатых и сильных» сохранила верность кодексу интеллигентности, нет иного выбора, кроме как действовать в унисон с этой дающей надежду тенденцией. Возможно, в решимости поступать, как должно, – ключ к возрождению российской интеллигенции. Ведь программа инновационной модернизации общества (настоящей, демократической, общенациональной, а не «оранжерейно-сколковской») выдвигает великую цель, которая будет в состоянии разжечь великую энергию творчества.

Если это произойдёт, тогда история русской интеллигенции будет иметь социально значимое продолжение. Интеллигенция станет костяком того «креативного класса», на долю которого выпадет миссия воплотить идею нового гуманизма в реальность сознательно регулируемого социума.

***

Эпоха больших перемен – время неопределённости и сомнений. Не ясно, куда движется мировая цивилизация, какие метаморфозы претерпит социум, сумеет ли человечество найти адекватные ответы на вызовы современности. Вправе ли мы ждать, что метаидеология гуманизма высветит путь в будущее? Правомерные сомнения. Но... быть может, мы находимся на переломе, когда идеология не просто рисует картину мироздания и выясняет возможности адаптации к нему. Быть может, перед нами приоткрывается перспектива *проектировать* и *творить* мир, пробуждая и мобилизуя креативный потенциал социума.

Библиографический список

- Арендт Х. 1996. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом. 672 с.
- Байдаков М., Белкин С. 2013. Идеологии и ценности // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 6. С. 8–23.
- Гегель. 1934. Философия права. Сочинения. Т. VII. М.–Л.: Соцэкгиз. 380 с.
- Горшков М., Тихонова Н. 2013. Социокультурные факторы консолидации российского общества // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. № 1. М.: ИС РАН. 80 с.
- Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 1993. 96 с.
- Ключевский В. 1959. Сочинения. Т. VIII. М.: Соцэгиз. 490 с.
- Любарский Г. Когнитометрия: Вера. Религия. Церковь // Полит.ру URL: http://polit.ru/article/2012/07/10/cognitometry_church1/ [Дата посещения: 15.02.2015].
- Марков А. 2012. Эволюция человека. Кн. 1 и 2. М.: Астрель: CORPUS. 496 и 512 с.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1969. Сочинения. Т. 46. Часть II. М.: Политиздат. 618 с.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1955. Сочинения. Т. 3. М.: Политиздат. 629 с.
- Миропорядок XXI века: ноосфера или зоосфера? Исследовательский проект «Россия в формирующейся глобальной системе». М.: Горбачёв-Фонд, 2001. 129 с.
- Ортега-и-Гассет Х. 2000. Избранные труды. М.: Весь мир. 704 с.
- Пастухов В. 2012. Герои в толпе // Полит.ру URL: <http://polit.ru/article/2012/08/28/geroi/> [Дата посещения: 15.02.2015].
- Хэйвуд Э. 2005. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 526 с.
- Цвейг С. 1977. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М.: Детская литература. 288 с.
- Castells M. 2012. Networks of outrage and hope: social movements in the internet age. Cambridge, UK-USA: Polity Press. 200 p.
- Judt T. 2011. III Fares the land. A treatise on our present discontents. L.: Penguin Books. 218 p.

Keane J. 2009. *The life and death of democracy*. N.Y.–London: W.W. Norton and Company. 992 p.

Marcuse H. 1968. *One-dimensional man. Studies in the ideology of advanced industrial society*. Boston: Beacon Press Books. 260 p.

Marcuse H. 1969. *An essay on liberation*. Boston: Beacon Press Books. 96 p.

Ideological Pluralism and Meta-ideology of New Humanism

Krasin Yury Andreyevich

Doctor of philosophical sciences, head of the department of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: krasinyua@mtu-net.ru

Abstract. There is every indication that human civilization is entering into an epoch of the deepest transformation or the “great reformatting” of social reality. Humankind meets challenges and risks, which demand of it unity of understanding of coming changes, and above all, the consolidation of efforts for the solution of global problems. Meanwhile, the imperative nature of these activities is not in line with ideological pluralism on a world or national level, which is intrinsic to social consciousness. This leads to a wide range of ideological differences and is contrary to consolidation. This contradiction is manifesting itself especially acutely in Russia, because the country is undergoing fundamental reformation and experiencing the effect of traditions of confrontational political culture. The author attempts to ascertain possibilities and trace the contour of solutions to this contradiction. Previously, the formation of industrial society called on the need for free human beings and the birth of the demand for humanism. Now the start of the transition to an innovative type of development is initiating a new demand for creativity of humans and for the meta-ideology of new humanism which can become the ideal and moral basis for a national and universal policy of “historical compromises”. This may maintain and form the integral unity of the global “world of worlds”. Social, international and civilizational stability of human society depends on how these resources are brought into play.

Keywords: social consciousness, ideology, ideological pluralism, meta-ideology, innovation development, new humanism.

References

Arendt H. *Istoki totalitarizma [Origin of multiculturalism]*. Moscow, CentrKom, 1996. 672 p.

Baydakov M., Belkin S. *Ideologii i cennosti [Ideology and values – Razvitie i ekonomika. Nauchny i obschestvenno-politichesky al'manakh, 2013, No 6, pp. 8–23.*

Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge, UK-USA: Polity Press. 2012. 200 p.

Gegel G. W. F. *Filosofija prava [Philosophy of law]*. Sochinenija. Vol. VII. Moscow – Leningrad, Socekgiz, 1934. 380 p.

Gorshkov M., Tikhonova N. *Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossiyskogo obschestva [Social and cultural factors of Russian society consolidation] – Informacionno-analitichesky biulleten' Instituta sociologii RAN. No 1. Moscow, IS RAS. 2013. 80 p.*

Haywood E. *Politologija [Politology]*. Moscow, UNITI-DANA, 2005. 526 p.

Judt T. *III Fares the land. A treatise on our present discontents*. London, Penguin Books, 2011. 218 p.

Keane J. *The life and death of democracy*. New York – London, W.W. Norton and Company, 2009. 992 p.

Kliuchevsky V. Sochinenija [The works]. Vol. VIII. Moscow, Socekgiz, 1959. 490 p.

Konstitucija Rossijskoj Federacii [Constitution of Russian Federation]. Moscow, Juridicheskaja literatura, 1993. 96 p.

Liubarsky G. Kognitometrija: Vera. Religija. Cerkov' [Kognitometria: belief, religion, church]. – Polit.ru. Website. URL: http://polit.ru/article/2012/07/10/cognitometry_church1/ [date of visit 15.02.2015].

Marcuse H. One-dimensional man. Studies in the ideology of advanced industrial society. Boston, Beacon Press Books, 1968. 260 p.

Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press Books, 1969. 96 p.

Markov A. Evoliucija cheloveka [Encyclopedia of human]. Vol. 1, 2. Moscow, Astrel': CORPUS, 2012. 496, 512 p.

Marx K., Engels F. Sochinenija [The works]. Vol. 46. Part II. Moscow, Politizdat, 1969. 618 p.

Marx K., Engels F. Sochinenija [The works]. Vol. 3. Moscow, Politizdat, 1955. 629 p.

Miroporiadok XXI veka: noosfera ili zoosfera? [World order of XXI century: noosphere or zoosphere?] Issledovatel'sky proekt «Rossija v formirujushejsia global'noy sisteme». Moscow, Gorbachiov-Fond, 2001. 129 p.

Ortega-y-Gasset H. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, Ves' mir, 2000. 704 p.

Pastuhov V. Geroy v tolpe [The hero in the crowd]. – Polit.ru. Website. URL: <http://polit.ru/article/2012/08/28/geroi/> [date of visit 15.02.2015].

Zweig S. Triumf i tragedija Erazma Rotterdamskogo [The triumph and tragedy of Erasmus Roterdamsky]. Moscow, Detskaja literature, 1977. 288 p.